

— Ладно, ты всё равно умеешь меня обманывать. — Госпожа Чэн пристально посмотрела на неё и вдруг рассмеялась. — Я посмотрю, что эта девчонка выкинет. И ты, Ажуй, не волнуйся; господин и так не придаёт большого значения разнице между законными детьми и детьми наложниц, просто пока оказывает мне уважение. Я не стану ему докучать.

Чжун Жуй поспешила сказать ещё несколько ласковых слов, прежде чем удалось развеселить свою госпожу.

Тем временем Шэнь Юньшу села в карету вместе со старшей сестрой. Юэинь, Юэлин, Цинхэ и Цинлянь почувствовали слишком напряжённое молчание между своими господами и встревожились.

— Сестра...

— Шу. — Шэнь Юньхуа внезапно встала и низко поклонилась Шэнь Юньшу. — Я извиняюсь за мать перед тобой.

Шэнь Юньшу тут же подняла её.

— Сестра! Карета трясётся, вдруг упадёшь? Если бы мать всерьёз хотела наказать меня, она бы не говорила так много. Её слова хоть и резки, но искренни, и многим столичным дамам до неё далеко.

— Шу...

На мгновение между ними воцарилось молчаливое согласие, и больше они ничего не сказали.

— Княжна Цило всё же из императорской семьи, как бы близко вы ни общались, не забывай о разнице в положении. — Шэнь Юньхуа кратко напомнила, но вдруг вспомнила ещё одну фразу, сказанную сестрой вчера. — Однажды превзойти учёных Ханьлиня... Неужели это твоё стремление?

Шэнь Юньшу лишь слегка улыбнулась.

Старшая сестра всегда доверяла ей безоговорочно, хотя у самой ещё не было чёткой цели. Но смутные мысли в сердце... шли дальше этого.

«Смогу ли я действительно этого достичь?»

Войдя в класс, Шэнь Юньшу остро почувствовала, что взгляды окружающих изменились. Вероятно, слухи о её знакомстве с княжной Цило уже разошлись.

После занятий желающих поболтать с ней прибавилось, среди них были и те две барышни, которые раньше сплетничали о ней. Взгляд Сунь Синьцяо стал более многозначительным, хотя отношение особого не изменилось.

Шэнь Юньшу кивнула про себя: хотя человека ещё нужно проверить, пока он подходит в качестве соратника — ни пользы, ни вреда. Что до остальных... княжна снизошла до дружбы, а если я буду принимать всех подряд, это будет слишком уж неблагоприятно с моей стороны.

В полдень, чтобы избежать толпы, Шэнь Юньшу отправилась во двор Ши Дайянь.

Хотя была глубокая осень, в тихой аллее ещё виднелись зелёные пятна. За забором висела доска с надписью «Павильон Сгущённой Черни», и можно было разглядеть перголу с

глициниями, под которой женщина заваривала чай.

— Спрашиваю, какой почтенный гость нас посетил?

— Ученица Шэнь Юньшу. — Похоже, настроение у наставницы Ши было хорошее, в голосе слышалась улыбка.

— Входи.

После обеда занятий не было, на Ши Дайянь было просторное нефритовое платье, на которое небрежно наброшена ярко-алая накидка.

*

«Зубы белы, как семена тыквы, брови — как зелёные ивы.

Лицо алее распустившегося лотоса, кожа бела и гладка, как застывший жир».

*

Её спокойная и непринуждённая манера заставила Шэнь Юньшу почувствовать, что ей ещё нужно учиться десятилетия.

— Ученица пришла спросить о некоторых вопросах макияжа, извините за беспокойство во время вашего отдыха.

— Ничего, выпей чаю.

— Спасибо, наставница.

Аромат чая был бодрящим, Шэнь Юньшу бережно взяла простую чашку. Сделав несколько глотков, она удивилась:

— Наставница, чудесное мастерство, я никогда не пила такого сладкого чая.

— Сладкого? Обычно говорят, что этот чай терпкий.

— Только во рту немного терпкий, а послевкусие ароматное.

— Госпожа Шэнь умна. — Ши Дайянь, казалось, вспомнила что-то из прошлого. — Когда-то она тоже так говорила.

Шэнь Юньшу не смела продолжать, в душе коря себя за то, что заставила наставницу грустить. Иронично, но большинство женщин-учителей в Академии Дунлин не имели семьи: либо вдовы, либо давшие обет безбрачия. Да, те мужчины, что дорожат своей репутацией, не позволили бы жёнам преподавать.

Наставница Ши никогда не выходила замуж. Возможно, в молодости у неё был «нефритовый юноша», но обретя славу, он стал неблагодарным...

Заметив свои нескромные мысли, Шэнь Юньшу поспешно встряхнула головой. Ши Дайянь очнулась:

— Прости, что насмешила тебя.

После этого они просто беседовали о макияже, что было довольно приятно.

— До начала урока осталось полчаса, ученица прощается. Павильон Сгущённой Черни находится в уединённом месте, далеко от аудитории. Шэнь Юньшу посмотрела на небо, встала и поклонилась.

— Помнится, следующий урок у госпожи Шэнь — стихосложение?

— Именно. — Шэнь Юньшу слегка удивилась ответу.

— Госпожа Шэнь снова собирается написать хорошее стихотворение?

Шэнь Юньшу словно что-то осенило.

— Наставница хочет посоветовать мне: «Выдающееся дерево ветер обязательно сломает»?

— Вовсе нет. — Ши Дайянь улыбнулась. — Я хочу тебя ободрить. Если тебя не завидуют — значит, ты посредственность. Везде действовать осмотрительно — разве не слишком скучная жизнь? У тебя есть родители и старшая сестра, которые прикрывают тебя. Может, немного выходить за рамки — это как раз то, что нужно.

Шэнь Юньшу, удивившись, словно что-то поняла. Она поклонилась в пояс:

— Благодарю наставницу за то, что указала путь.

Ши Дайянь кивнула с улыбкой.

— Иди.

Смотря, как юная девушка выходит за ворота, она прошептала, и слова унеслись ветром.

— Не будь, как я... из-за трусости жалея всю жизнь.

Шэнь Юньшу обдумывала слова наставницы, и в сердце становилось всё теплее.

Отец... Даже если из-за статуса они не были особенно близки, она всегда его уважала. Кто бы ни видел её брата, сестру и младшего брата, все не могли не похвалить отца за отличное управление домом и строгие нравы в семье Шэнь. У чиновников всё выглядит красиво снаружи, но в каком доме нет грязных тайн? Но в их доме отец не только очень заботился о воспитании четверых детей, но и находил время проводить с ними, несмотря на занятость, советуя матери быть экономной.

Мать — то же самое. Она не была её родной матерью, но никогда не притесняла её, даже мысли не было обольстить или испортить — только резкие слова. Несколько дней назад она, должно быть, говорила правду: даже если бы её отдали в наложники в семью Ли, жизнь не была бы слишком тяжёлой. Но... она не могла смириться.

Старшая сестра... вспоминая Шэнь Юньхуа, она почувствовала слёзы. Кто хочет быть старшей сестрой, которая заботится о других, а не младшей, окружённой заботой? Благодарность старшей сестре, вероятно, не отплатишь и за несколько жизней перерождений.

Дойдя до поворота Длинной галереи, она вдалеке увидела двух юных девушек, сидящих за каменным столом. Шэнь Юньшу поспешно вытерла платком влажные уголки глаз и присмотрелась: это была её старшая сестра и та Ван Линьяо.

Они тоже, казалось, увидели её и улыбались в эту сторону.

Шэнь Юньшу с лёгкой улыбкой подошла и окликнула:

— Сестра, сестра Ван.

— Шу пришла. Мы с Линъяо любим лотосами.

Ван Линъяо прикрывалась платком цвета гвоздики, её смех был звонким.

— Что там смотреть в этом пруду, полном увядших листьев. Твоя сестра просто не хотела иметь дело с теми людьми, поэтому потащила меня сюда отдохнуть.

Раз уж она знала, что Шэнь Юньхуа близка с младшей сестрой, она отбросила мысли об использовании и относилась как обычно. Это было комфортнее, к тому же Шэнь Юньшу, глядя на сестру, может быть, и окажет ей пару милостей.

Шэнь Юньшу лишь задумчиво посмотрела на них:

— Сестра тоже хотела тишины, поэтому пошла пить чай к наставнице Ши в Павильон Сгущённой Черни. Видимо, мне тоже нужно поучиться у старших сестёр и присматриваться, где в академии тихие места.

Видя, что обе довольны общением после проверки, она, конечно, не стала глупо спрашивать: «А где сестра Чэнь и сестра Шу?» и тому подобное.

Ван Линъяо снова засмеялась, склонив голову на плечо Шэнь Юньхуа. Шэнь Юньхуа заметила, как тело сестры напряглось, а потом постепенно расслабилось.

— Сестра Шэнь Юньхуа вся в учёбе, наверняка любимица наставников. Не бери пример с сестры, а то испортишь тебя, и это будет на моей совести.

Шэнь Юньхуа не смотрела на неё, а сама встала, сделала пару шагов вперёд и взяла младшую сестру под руку.

— Смотри-ка, что вздорит твоя сестра Ван. Не обращай на неё внимания, пойдём сами.

Шэнь Юньшу видела, что лицо старшей сестры не выражало настоящего гнева, и тихо сказала:

— Я и не знала, что сестра Ван такая острая на язык. Прошу прощения, каюсь.

Её лицо было степенным, но если прислушаться, в словах слышалась лёгкая насмешливость.

Автор имеет сказать:

«Зубы белы, как семена тыквы, брови — как зелёные ивы.

Лицо алее распустившегося лотоса, кожа бела и гладка, как застывший жир».

— У Пинъи, «Разные песни. Слуга с незавидной судьбой».

Юньшу ещё слишком мала, чтобы понять переживания красавицы Ши.

Автор не может видеть, как красавица заканчивает «худеющей от тоски», так что сюжетная

линия Ши Дайянь, вероятно, будет с счастливым концом... Что вы об этом думаете?

<http://bllate.org/book/16779/1542692>